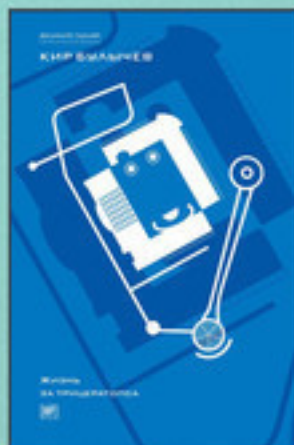

Кир Булычев

Ностальджи

*Часть сборника
Жизнь за трицератопса
(сборник)*

Гусляр

Кир Булычев

Ностальджи

«WebKniga»

2002

Булычев К.

Ностальджи / К. Булычев — «WebKniga», 2002 — (Гусляр)

«Старые слова вытесняются постепенно из русского языка. Оказывается, они уже не так красивы, как прежде. Подобно старой жене. Когда-то мы ею любовались, даже гладили и холили, а потом мимо прошла некая Матильда или Изольда, неся перед собой грудь как рыцарский щит. И обнаруживается, что жена вас никогда не понимала и была камнем на вашей толстой шее. А вот Матильда – она вас понимает. Матичка, ты меня понимаешь? Как важно, чтобы тебя понимали!...»

Кир Булычев

Ностальджи

Старые слова вытесняются постепенно из русского языка. Оказывается, они уже не так красивы, как прежде. Подобно старой жене. Когда-то мы ею любовались, даже гладили и холили, а потом мимо прошла некая Матильда или Изольда, неся перед собой грудь как рыцарский щит. И обнаруживается, что жена вас никогда не понимала и была камнем на вашей толстой шее. А вот Матильда – она вас понимает. Матичка, ты меня понимаешь? Как важно, чтобы тебя понимали!

Был благодетель, потом – меценат, теперь – спонсор. Смена поколений. Была контора, стал офис, был шик, а стал – не догадаетесь! – гламур. Сам видел.

Еще несколько лет, и старое поколение будет разговаривать с новым через переводчиков, конечно же электронных. А все равно взаимопонимания не добьется.

К тому времени толковой молодежи и зажиточных старцев в России не останется. Разлетятся. Одни за квалифицированным медицинским обслуживанием, другие за научными перспективами, третьи в поисках личного счастья.

Некоторые полагают, что проблема утечки умов и красивых тел – это столичная боль. Ничего подобного. Просто этот процесс не всегда идет напрямик. Известно немало случаев, когда молодой программист Н. или победительница конкурса «Грудь-Гусляр-2002» уплывают в Вологду или в Москву. А уж оттуда, не найдя счастья или работы по плечу, вылетают в Израиль или США. И там оседают. Мало кто находит, что искал. Но так устроена жизнь.

А Великому Гусляру плохо.

Ох как плохо.

В школе № 2 не осталось учителей математики, а в третьей школе исчез физкультурник. Ночной клуб «Гусиные лапки» лишился стриптизерши, в речном техникуме некому преподавать двигатели внутреннего сгорания, а фармацевту Савичу пришлось возвратиться с заслуженного отдыха, чтобы выдавать пенсионеркам валидол и престариум в таблетках.

Этот список можно продолжать почти до бесконечности, и ужас его не в конкретных проявлениях невозвращенчества, а в повсеместности явления. И если в Гусляре, вместо того чтобы получить очередное звание, старшина Пилипенко ушел в отставку и теперь разводит сахарную свеклу под городом Веллингтоном в Новой Зеландии, то из близкой к Гусляру Тотьмы сержант милиции Великанов работает вышибалой в Лас-Вегасе.

Профессор Минц редко берется за свои великие и зловещие изыскания сам по себе. Его толкает к этому большое отзывчивое сердце. То соседка по дому попросит мужа обуздать, то президенту Российской Федерации понадобится успокоить Кавказ или внедрить доброту в спортивных состязаниях – главное, чтобы был заказ. И тогда Минц включает свой могучий мозг, во всем городе падает напряжение в сети, грозы стекаются к Гусляру, беспокоятся еноты и барсуки, наблюдается колошение озимой ржи, Ходжа Эскалибур упускает нить прорицания, Даша теряет интерес к Паше, и происходит еще многое другое.

Профессор запирается в своем кабинете, забывает о времени и пространстве и только думает и думает.

В случае, о котором я спешу рассказать, толчком к деятельности ума послужило слезливое обращение Миши Стендаля.

Миша Стендаль – пожилой мальчик, корреспондент газеты «Гуслярское знамя», холостяк по необходимости, потому что в мире не отыщешь человека, более невезучего в любви. С Минцем они знакомы уже много лет и пользуются взаимной симпатией.

Миша Стендаль сидел на лавочке в сквере у церкви Параскевы Пятницы и чертил на песке сердце, пронзенное стрелой.

За этим занятием его и застал Лев Христофорович, который возвращался с рынка, купив целую сумку синеньких, то есть баклажанов. Лев Христофорович привык жить один и не тяготился одиночеством. Баклажаны некогда готовила его покойная мама, и потому всю жизнь Лев Христофорович по случаю покупал баклажаны и пытался потушить их точно так же, как это делала Эсфирь Соломоновна. И безуспешно. Хотя это его не останавливало.

– Миша! – воскликнул Лев Христофорович. – Что вас огорчило? Неужели опять неприятности по службе?

Неприятности по службе у Миши были всегда, потому что Миша не вписывался в систему ни при каком правительстве, тогда как бессменный главный редактор городской газеты Малюжкин всегда вписывался в существующую систему.

– На этот раз никаких препятствий. Все беды у меня внутри, в душе.

– Вы не больны?

– Нет, я вспомнил, как мы сидели с Алиной на этой лавочке. Луна была на исходе, Кассиопея вон там, слева, а правее ковш Большой Медведицы. И еще я помню пояс Ориона – три звезды...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.